

Дмитренко Дарья Александровна
студент,
факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, Москва.

Каримова Адель Руслановна
студент,
факультет гуманитарных и социальных наук,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, Москва.

КРИЗИС ОБЗОРНОГО ПРОЦЕССА ДНЯО: О ПРИЧИНАХ ОТСУТСТВИЯ КОНSENSУСА НА КОНФЕРЕНЦИЯХ 2015, 2022 И 2026 ГГ.

Аннотация. В статье рассматриваются причины, по которым обзорные конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 2015, 2022 и 2026 гг. завершились без принятия консенсусного итогового документа. На основе сравнительного анализа трёх конференций показано, что каждый срыв имел собственный формальный повод, однако повторяемость результата свидетельствует о структурном характере кризиса обзорного процесса. К его глубинным причинам отнесены эрозия исходной «большой сделки» ДНЯО, застой в выполнении разоруженческих обязательств по статье VI, распад двусторонней и многосторонней архитектуры контроля над вооружениями, а также политизация обзорных площадок западными государствами. Отдельное внимание уделено институциональной динамике консенсусного правила и решению председателя конференции 2026 г. не выносить проект итогового документа на утверждение. Проанализированы предложения по реформе обзорного процесса и три сценария развития режима до конференции 2031 г. Сделан вывод о том, что отсутствие итогового документа не тождественно кризису самого Договора, который сохраняет почти универсальное членство и значительный запас прочности, однако продолжение нынешних тенденций повышает риски цепного распространения ядерного оружия.

Annotation. The article examines the reasons why the Review Conferences of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT) in 2015, 2022 and 2026 ended without the adoption of a consensus final document. A comparative analysis of the three conferences shows that each failure had its own formal pretext, yet the recurrence of the outcome points to the structural nature of the review process crisis. Its underlying causes include the erosion of the original "grand bargain" of the NPT, stagnation in the implementation of disarmament obligations under Article VI, the collapse of the bilateral and multilateral arms control architecture, and the politicisation of review platforms by Western states. Particular attention is paid to the institutional dynamics of the consensus rule and to the decision of the 2026 Conference President not to submit the draft final document for adoption. Proposals for reforming the review process and three scenarios for the regime up to the 2031 conference are analysed. The article concludes that the absence of a final document is not identical to a crisis of the Treaty itself, which retains near-universal membership and a considerable margin of resilience, although the continuation of current trends increases the risks of a chain reaction of nuclear proliferation.

Ключевые слова: ДНЯО, обзорная конференция, режим нераспространения, консенсус, ядерное разоружение, контроль над вооружениями, статья VI, ядерное оружие.

Keywords: NPT, Review Conference, non-proliferation regime, consensus, nuclear disarmament, arms control, Article VI, nuclear weapons.

Введение

Договор о нераспространении ядерного оружия (далее ДНЯО) остаётся краеугольным камнем международной безопасности. Его участниками являются 191 государство, вне договорных рамок находятся лишь Индия, Пакистан, Израиль и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР). Вместе с тем главный механизм коллективной оценки выполнения Договора, обзорная конференция, созываемая раз в пять лет, третий цикл подряд завершается без согласованного результата. Конференции 2015, 2022 и 2026 гг. не смогли принять консенсусный итоговый документ, и с учётом того, что последний содержательный результат был достигнут в 2010

г., обзорный процесс не производит согласованного текста уже шестнадцать лет. Одиночный срыв можно было объяснить стечением обстоятельств. Три срыва подряд, дополненные безрезультатностью всех трёх сессий Подготовительного комитета цикла 2023–2025 гг., заставляют говорить о кризисе институционального механизма как такового. Актуальность темы усиливается тем, что XI обзорная конференция открылась 27 апреля 2026 г. менее чем через три месяца после истечения Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ), то есть в условиях, когда впервые за более чем полвека стратегические арсеналы России и США не связаны юридическими ограничениями, а на Ближнем Востоке и в Европе продолжают вооружённые конфликты, напрямую затрагивающие ядерную проблематику.

Степень научной разработанности темы достаточно высока, при этом исследовательское поле заметно поляризовано. В зарубежной литературе структурный характер кризиса обосновывается через концепцию эрозии «большой сделки» ДНЯО в работах школы Харальда Мюллера [12], через анализ устойчивости Договора в условиях формирующейся многополярности у Р. Гиббонс и С. Херцога [9], а также эмпирически, с помощью контент-анализа заявлений делегаций, у М. Барнума и Дж. Ло [5]. Ход и итоги конференции 2022 г. разобраны Г. Мухатжановой [11], конференции 2015 г. посвящена работа А. Баклицкого [6]. Дискуссия о реформе консенсусного правила представлена полемикой Р. Айнхорна [8] и Дж. Дханапалы [7], а закулисная сторона переговоров об укреплении обзорного цикла раскрыта У. Поттером [13]. Сценарные построения относительно будущего режима предложены М. Эррерой [10]. В российской науке проблематика разрабатывается школой ИМЭМО РАН под руководством А.Г. Арбатова, где кризис нераспространения рассматривается как часть всеобщего кризиса контроля над вооружениями [4], и исследователями ПИР-Центра. В.А. Орлов и С.Д. Семёнов проанализировали коалиционную динамику обзорного процесса [1], оценили угрозы появления новых ядерных государств [2] и подвели предварительные итоги конференции 2026 г. [3]. При этом сравнительный анализ трёх подряд сорванных конференций как единого явления в литературе пока представлен фрагментарно, что и определяет исследовательскую нишу настоящей статьи.

Цель работы состоит в выявлении причин отсутствия консенсуса на обзорных конференциях 2015, 2022 и 2026 гг. и в оценке перспектив обзорного процесса до следующей конференции 2031 г. Методологическую основу составляет сравнительно-исторический анализ трёх конференций по единой схеме, включающей предмет разногласий, состав блокирующих участников, поведение председателя и итоговую атрибуцию ответственности. Применяются институциональный подход, позволяющий рассмотреть консенсусное правило как самостоятельную переменную, событийный анализ переговорной динамики последних дней каждой конференции и элементы контент-анализа последовательных редакций проектов итоговых документов. Эмпирическую базу образуют официальные документы Организации Объединённых Наций (ООН), включая пресс-релизы DC/3850 и DC/3912, рабочие документы делегаций, заявления министерств иностранных дел, данные Стокгольмского института исследования проблем мира (*Stockholm International Peace Research Institute*, SIPRI) [14] и материалы российских и зарубежных исследовательских центров.

Консенсусное правило и историческая динамика обзорного процесса

ДНЯО, открытый для подписания в 1968 г. и вступивший в силу в 1970 г., построен на взаимном обмене обязательствами, который в литературе принято называть «большой сделкой». Неядерные государства отказались от обладания ядерным оружием и согласились на гарантии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), ядерные государства по статье VI обязались в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по

прекращению гонки ядерных вооружений и ядерному разоружению, а всем участникам гарантировано неотъемлемое право на мирное использование атомной энергии. Обзорные конференции, предусмотренные статьёй VIII, задумывались как механизм периодической проверки того, насколько сбалансированно выполняются все три опоры Договора. Решением конференции 1995 г. о бессрочном продлении ДНЯО обзорный процесс был укреплен, к пятилетним конференциям добавились ежегодные сессии Подготовительного комитета, а принятие решений закрепились за правилом консенсуса.

Исторический опыт показывает, что консенсусный итоговый документ никогда не был нормой обзорного процесса. Из одиннадцати конференций, проведённых с 1975 г., такой документ был принят лишь на четырёх, причём, по оценке Института ООН по исследованию проблем разоружения (*United Nations Institute for Disarmament Research, UNIDIR*), только конференция 2000 г. согласовала документ на основе всеобъемлющего консенсуса без оговорок. Как показано в *Таблице 1*, срывы происходили и в годы холодной войны, и после её окончания, однако нынешняя серия отличается непрерывностью и нарастающей глубиной разногласий.

Таблица 1. Итоги обзорных конференций ДНЯО (1975–2026 гг.)

Год	Консенсусный итоговый документ	Основной предмет разногласий
1975	Принят	Оговорки сторон к тексту председателя
1980	Не принят	Выполнение статьи VI
1985	Принят	Разногласия по запрещению ядерных испытаний при формальном консенсусе
1990	Не принят	Ядерные испытания
1995	Особый случай	Бессрочное продление, «Принципы и цели», резолюция по Ближнему Востоку без обзорного документа
2000	Принят	«13 практических шагов» по разоружению
2005	Не принят	Повестка и приоритеты трёх опор
2010	Принят	План действий из 64 пунктов
2015	Не принят	Созыв конференции по зоне, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке
2022	Не принят	Формулировки по Запорожской атомной электростанции
2026	Не принят	Формулировки о несоблюдении гарантий Ираном и об ударах по его ядерным объектам

Источник: составлено авторами по данным Управления ООН по вопросам разоружения (UNODA) и Arms Control Association.

Приведённая хронология позволяет уточнить сам предмет анализа. До 2015 г. срывы чередовались с успехами, и каждая неудача компенсировалась в следующем цикле, поэтому провал воспринимался как рабочий сбой. После 2010 г. компенсирующего успеха не последовало ни разу. Более того, кризис распространился на подготовительную фазу. Фактические резюме председателей сессий Подготовительного комитета не принимаются консенсусом с 2002 г., в 2023 г. резюме впервые не было включено даже в перечень рабочих документов, в 2024 г. оно вошло туда со сноской о неконсенсусном характере, а третья сессия 2025 г. не согласовала ни рекомендаций для конференции, ни решения об укреплении обзорного процесса. Консенсусное правило, изначально задуманное как гарантия учёта интересов каждого участника, в условиях острого межгосударственного противостояния превратилось в инструмент, при помощи которого любое государство или небольшая группа государств способны обнулить итог четырёхнедельной работы почти двух сотен делегаций.

Три конференции без итогового документа: сравнительный разбор

IX обзорная конференция проходила с 27 апреля по 22 мая 2015 г. под председательством посла Алжира Тауз Феруки. Камнем преткновения стал вопрос о созыве конференции по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Правовым основанием выступала резолюция по Ближнему Востоку 1995 г., ставшая частью пакета бессрочного продления ДНЯО, а также решение конференции 2010 г. о проведении такой конференции до конца 2012 г., которое так и не было выполнено. Проект итогового документа, отражавший в том числе российское предложение, предусматривал созыв конференции Генеральным секретарём ООН не позднее 1 марта 2016 г. с назначением специального представителя и с условием, что повестка будет согласована консенсусом всех государств региона. В последний день работы США, Великобритания и Канада заявили о невозможности поддержать эту формулу, сославшись на «нереалистичные и неработоспособные условия» и «произвольный срок». Показательно, что консенсусный порядок согласования повестки фактически предоставлял Израилю, не являющемуся участником ДНЯО, возможность влиять на любое существенное решение, то есть текст учитывал интересы государства, ради защиты которого и была осуществлена блокировка. Египет и другие арабские государства, а также Россия возложили ответственность за срыв на obstructionism трёх западных государств. Российская сторона последовательно исходила из того, что создание ЗСОМУ относится к задачам глобального уровня с участием государств-депозитариев и Генерального секретаря ООН, тогда как Вашингтон стремился свести вопрос к региональному формату. При этом эксперты Ассоциации по контролю над вооружениями (Arms Control Association) допускали, что даже при развязке по ближневосточному досье консенсус мог быть сорван из-за разногласий по разоружению, поскольку проект подвергался острой критике неядерных государств за отсутствие новых обязательств и контрольных сроков [6].

X обзорная конференция, перенесённая с 2020 г. из-за пандемии, состоялась с 1 по 26 августа 2022 г. под председательством посла Аргентины Густаво Слаувинена. Впервые в истории Договора конференция созывалась в разгар крупного вооружённого конфликта в Европе с участием одного из трёх государств-депозитариев, и западные делегации с первых дней превратили площадку в арену политического давления на Россию. Финальный проект объёмом 35 страниц и более 140 параграфов содержал пять положений, касавшихся Запорожской атомной электростанции (ЗАЭС), включая параграф 34 о «глубокой озабоченности» военной деятельностью вблизи станции с признанием утраты контроля со стороны украинских компетентных органов и подпункт 50 параграфа 187 о передаче станции под украинский контроль. Российская делегация расценила эти формулировки как политизированные и не относящиеся к предмету Договора, предложив их изменение без удаления, и на заключительном заседании констатировала отсутствие консенсуса, подчеркнув, что с рядом положений проекта не согласна не только Россия. По оценке заместителя главы российской делегации А.И. Белоусова, конференция стала «политическим заложником» государств, стремившихся свести счёты с Россией через вопросы, прямо не связанные с ДНЯО. Западная интерпретация возлагает ответственность на российскую позицию [11], однако и в западном экспертном сообществе отмечалось, что вся ядерная пятёрка солидарно противодействовала включению в текст конкретных разоруженческих обязательств, поэтому сведение причин срыва к действиям одного государства упрощает картину. Характерно, что коалиция «Новая повестка дня» была готова поддержать документ лишь с оговорками, указывая на отсутствие в нём сроков и контрольных точек по статье VI.

XI обзорная конференция прошла с 27 апреля по 22 мая 2026 г. в Нью-Йорке под председательством постоянного представителя Вьетнама при ООН До Хунг Вьета. Конференция открылась в беспрецедентных условиях.

За три месяца до её начала истёк ДСНВ, летом 2025 г. США и Израиль нанесли удары по находившимся под гарантиями МАГАТЭ иранским ядерным объектам в Натанзе, Фордо и Исфахане, в сентябре 2025 г. европейская «тройка» инициировала восстановление санкций Совета Безопасности (СБ) ООН против Ирана. Российская сторона ещё накануне конференции квалифицировала силовую акцию против Ирана, предпринятую в обход СБ ООН, как беспрецедентный удар по авторитету МАГАТЭ и его системе гарантий, посвятив этой проблеме отдельный рабочий документ об эрозии режима нераспространения (NPT/CONF.2026/WR.44). Точкой срыва стал параграф 15 проекта итогового документа с формулировкой о том, что Иран никогда не может стремиться к ядерному оружию, разрабатывать или приобретать его. США настаивали на сохранении странового поименования Ирана в контексте несоблюдения гарантий, Иран при поддержке Китая, России и арабских государств требовал исключить избирательное поименование и включить осуждение ударов по мирным ядерным объектам как нарушения статьи 2(4) Устава ООН. Председатель подготовил четыре редакции проекта, последовательно сокращая текст с 13 до примерно 8 страниц, однако утром 22 мая снял финальную версию NPT/CONF.2026/CRP.2/Rev.4 с рассмотрения, заявив, что никто не заблокировал консенсус, поскольку он сам констатировал его отсутствие и не стал выносить документ на решение. Министерство иностранных дел России по итогам конференции подчеркнуло, что благодаря усилиям вьетнамского председателя при поддержке ответственных государств был выработан близкий к принятию проект, который не был представлен на утверждение из-за жёстких установок США и их союзников, при этом отсутствие итогового документа не ставит под сомнение востребованность ДНЯО. Сопоставление трёх конференций по единой схеме приведено в *Таблице 2*.

Таблица 2. Сравнительные характеристики обзорных конференций ДНЯО 2015, 2022 и 2026 гг.

Параметр	2015 г.	2022 г.	2026 г.
Председатель	Т. Феруки (Алжир)	Г. Слаувинен (Аргентина)	До Хунг Вьет (Вьетнам)
Финальный проект	Консолидированный проект председателя	NPT/CONF.2020/CRP.1/Rev.2, 35 с., свыше 140 параграфов	NPT/CONF.2026/CRP.2/Rev.4, около 8 с.
Предмет разногласий	Порядок и сроки созыва конференции по ЗСОМУ	Пять параграфов по ЗАЭС	Параграф 15 о несоблюдении гарантий Ираном
Заявившие о несогласии	США, Великобритания, Канада	Россия при возражениях ряда других государств	Формально никто, документ снят председателем
Затронутое третье государство	Израиль (вне ДНЯО)	Украина (участник)	Иран (участник, объект ударов), Израиль (вне ДНЯО)
Внешний фон	Завершение переговоров по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД)	Вооружённый конфликт на Украине	Истечение ДСНВ, удары США и Израиля по Ирану

Источник: составлено авторами по пресс-релизам ООН DC/3850 (2022 г.), DC/3912 (2026 г.) и материалам Arms Control Association.

Сравнение выявляет две тенденции. Во-первых, предмет спора смещается от периферии режима к его ядру. В 2015 г. блокировка касалась процедуры созыва региональной конференции ради интересов государства, вообще не входящего в ДНЯО. В 2022 г. спор шёл о формулировках, затрагивающих государство-депозитария в условиях продолжающегося вооружённого конфликта. В 2026 г. в центре тупика оказалось силовое поведение другого депозитария в отношении участника Договора, то есть обзорный процесс упёрся в вопрос о том, допустимо ли военное контрраспространение внутри режима, построенного на дипломатических гарантиях. Во-вторых,

изменилось поведение института председательства. В 2015 и 2022 гг. документ выносился на пленарное заседание, несогласные публично брали на себя ответственность, и провал получал персональную атрибуцию. В 2026 г. председатель, констатируя отсутствие консенсуса заранее, лишил делегации самой возможности формальной блокировки. Такая процедурная новация защищает участников от публичного противостояния, однако одновременно устраняет механизм фиксации ответственности, и обзорный процесс научился избегать формального провала ценой отказа от результата. Примечательно и то, что содержательная планка неуклонно снижалась. В 2022 г. был отвергнут насыщенный документ, в 2026 г. не прошёл уже выхолощенный текст, в котором согласованная в 2010 г. формула об озабоченности гуманитарными последствиями «любого применения» ядерного оружия последовательно сужалась до «ядерной войны», прежние обязательства 1995, 2000 и 2010 гг. лишь «припоминались» вместо подтверждения, а разделы о ядерном обмене в рамках Организации Североатлантического договора (НАТО) и о человеческом контроле над системами ядерного управления были изъяты полностью.

Структурные причины: эрозия «большой сделки» и распад архитектуры контроля над вооружениями

Повторяемость срывов при смене формальных поводов указывает на действие глубинных факторов. Первый из них связан с нарушением взаимности, заложенной в основание Договора. Исследователи школы Х. Мюллера показывают, что самоограничение неядерных государств, закреплённое бессрочным продлением 1995 г., перестало уравниваться выполнением ядерными государствами обязательств по статье VI, что подрывает «большую сделку» как таковую [12]. Р. Гиббонс и С. Херцог связывают историческую долговечность ДНЯО с сочетанием универсальности членства, адаптивности, надёжного принуждения и воспринимаемой справедливости, отмечая, что в условиях формирующейся многополярности давление испытывают все четыре элемента [9]. Эмпирическое подтверждение раскола дают М. Барнум и Дж. Ло, которые на основе компьютерного анализа текстов заявлений делегаций за несколько десятилетий зафиксировали устойчивый рост поляризации между ядерными и неядерными государствами [5]. На конференциях 2022 и 2026 гг. эта поляризация приобрела наглядную форму. По наблюдениям западных же экспертов, вся ядерная пятёрка, расходясь между собой по вопросам контроля над вооружениями, действовала солидарно при вычищении из проектов итоговых документов конкретных обязательств со сроками и контрольными точками. Глава российской делегации А.И. Белоусов после конференции 2026 г. отмечал, что в ядерной пятёрке сложилась «некая тройственность» и единой позиции пяти государств нет прежде всего по перспективам переговоров о контроле над вооружениями, что дополнительно сужает пространство компромисса.

Второй фактор состоит в последовательном демонтаже договорной архитектуры, служившей внешней опорой обзорного процесса. В 2018 г. США в одностороннем порядке вышли из СВПД по иранской ядерной программе, запустив цепочку событий, приведшую к ударам по иранским объектам и восстановлению санкций СБ ООН в 2025 г. В 2019 г. Вашингтон разрушил Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), в рамках которого ранее были уничтожены 2 692 ракеты двух категорий. Наконец, 5 февраля 2026 г. истёк ДСНВ, при этом предложение России о добровольном соблюдении центральных количественных ограничений ещё в течение года при условии взаимности осталось без официального американского ответа. Впервые с 1972 г. стратегические арсеналы двух крупнейших ядерных держав не ограничены ни одним юридически обязывающим соглашением. Обзорная конференция, открывшаяся через считанные недели после этого рубежа, объективно не могла компенсировать распад переговорной инфраструктуры, накапливавшийся полтора десятилетия. К этому добавился прецедент партнёрства AUKUS (Австралия, Великобритания, США), в рамках которого неядерной Австралии

передаются подводные лодки с реакторами на высокообогащённом уране оружейного уровня, что, по оценкам России и Китая, создаёт лазейку в системе гарантий МАГАТЭ и задаёт опасный образец для других государств.

Третий фактор носит количественное измерение. По согласованным оценкам SIPRI и Федерации американских учёных (*Federation of American Scientists*, FAS) на январь 2026 г., девять государств располагали совокупным инвентарём около 12 187 ядерных боезарядов, из которых около 9 745 находились в военных запасах, а около 4 012 были развёрнуты [14]. Китайский арсенал растёт быстрее любого другого, прибавляя порядка 100 боезарядов в год начиная с 2023 г. Все ядерные государства реализуют долгосрочные программы модернизации, при этом прозрачность снижается, поскольку обмен данными по ДСНВ прекращён с 2023 г., а часть западных государств перестала публиковать сведения о своих арсеналах. Для неядерного большинства такое сочетание роста арсеналов и свёртывания отчётности выглядит прямым отрицанием статьи VI, что и питает поддержку Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), вступившего в силу в 2021 г. и насчитывавшего к июлю 2026 г. 75 государств-участников. Масштаб раскола фиксируют ежегодные голосования в Первом комитете Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН, представленные в *Таблице 3*.

Таблица 3. Голосования Первого комитета ГА ООН по резолюции в поддержку ДЗЯО (2019–2025 гг.)

Год	Документ	За	Против	Воздержались
2019	A/C.1/74/L.12	119	41	15
2022	A/C.1/77/L.17	124	43	14
2023	A/C.1/78/L.24	124	43	14
2024	A/C.1/79/L.37	122	44	14
2025	A/C.1/80/L.18	119	45	12

Источник: составлено авторами по данным проекта Reaching Critical Will.

Устойчивость приведённых показателей говорит о том, что раскол приобрёл характер закреплённой блоковой структуры. Ядро из 119–124 государств ежегодно поддерживает запретительный договор, тогда как все девять обладателей ядерного оружия вместе с государствами «ядерного зонтика» столь же ежегодно голосуют против. Обзорная конференция ДНЯО оказывается единственной площадкой, где эти два лагеря обязаны выработать общий текст, и консенсусное правило переносит всю тяжесть межблокового противостояния на итоговый документ. Здесь же пролегает и водораздел интерпретаций причин кризиса. Российская позиция, сформулированная заместителем министра иностранных дел С.А. Рябковым, исходит из того, что оснований говорить о кризисе самого Договора нет, а плачевное состояние системы контроля над вооружениями стало результатом преднамеренных деструктивных действий государств НАТО, тогда как срывы 2022 и 2026 гг. вызваны политизацией обзорных площадок и стремлением Запада к сведению счётов. Западная интерпретация переносит ответственность на Россию и на застой разоружения. Обе стороны при этом сходятся в том, что отсутствие итогового документа не равнозначно распаду режима, что реформа обзорного процесса назрела и что риск распространения среди союзников самих США приобрёл практические очертания.

Перспективы: реформа обзорного процесса и сценарии до 2031 г.

Дискуссия о реформе обзорного механизма ведётся давно, однако после третьего срыва она перешла в практическую плоскость. Наиболее радикальное предложение принадлежит Р. Айнхорну, который ещё в 2016 г. призвал отказаться от цели всеобъемлющего консенсусного документа и заменить его трёхчастным докладом с

фиксацией согласованных позиций, обзором дискуссий и приложением неконсенсусных предложений со списками поддерживавших государств [8]. Против выступил Дж. Дханапала, председатель конференции 1995 г., по мнению которого конференции, лишь фиксирующие разногласия без поиска их разрешения, действовали бы вопреки интересам глобального мира и безопасности [7]. Промежуточную линию образуют предложения об институциональном укреплении процесса через постоянное бюро или секретариат, обеспечивающие преемственность между председателями, а также инициатива Европейского союза и шестнадцати соавторов о систематическом взаимном рецензировании национальных докладов, прежде всего докладов ядерных государств (рабочий документ NPT/CONF.2026/WP.1/Rev.1). Судьба рабочей группы по укреплению обзорного процесса, учреждённой решением конференции 2022 г., показала пределы реформаторских ожиданий. Как документирует У. Поттер, подготовленный председателем группы пакет из 26 рекомендаций не был согласован [13], и весь следующий цикл группа завершила без консенсуса. Россия рассматривает предложения об усиленной транспарентности и фактических резюме председателей как попытку превратить обзорный процесс в инструмент надзора и давления, Китай предостерегает от разрушительных реформ и настаивает на сохранении принципа консенсуса, что делает быстрые институциональные изменения маловероятными. Единственным процедурным итогом конференции 2026 г. в этой части стало общее согласие продолжить работу в рамках очередного цикла с Подготовительным комитетом в 2028 г. и конференцией в 2031 г.

Прогностическая рамка задаётся трёхсценарной моделью М. Эрреры, различающей эрозию режима, его адаптацию и постепенное замещение через ДЗЯО [10]. Российская экспертиза тяготеет ко второму сценарию. Оценки ИМЭМО РАН исходят из значительного запаса прочности режима, накопленного за более чем полвека почти универсального членства [4], а В.А. Орлов и С.Д. Семёнов, констатируя, что три конференции подряд завершились без консенсуса, подчёркивают, что и после срыва 2026 г. ни одно государство не вышло из ДНЯО, хотя раздраз в Нью-Йорке посылает опасный сигнал тем, кто присматривается к ядерной опции [3]. Содержание этого сигнала измеримо. В Республике Корея поддержка создания собственного ядерного оружия достигла в 2025 г. рекордных 76,2% опрошенных, Саудовская Аравия увязывает свой выбор с иранской программой и с 31 декабря 2024 г. отозвала Протокол о малых количествах, расширив применение гарантий МАГАТЭ на фоне неопределённости по вопросу об обогащении урана, а в Польше высшие должностные лица открыто рассуждают о собственном ядерном потенциале при поддержке более половины граждан. А.Г. Арбатов предупреждает, что возобновление ядерных испытаний любой из держав способно запустить цепной выход неядерных государств из ДНЯО, в результате чего через 10–15 лет вместо девяти ядерных государств мир может получить двадцать и более. Пороговыми индикаторами, способными сместить базовый сценарий адаптации к эрозии, выступают решение Сеула о собственной программе или возврате американского тактического оружия, исход американо-саудовских переговоров о ядерном сотрудничестве, возобновление испытаний, судьба преемника ДСНВ и практическая реализация передачи высокообогащённого урана Австралии.

Заключение

Проведённый анализ позволяет разграничить два явления, которые в публичной дискуссии нередко смешиваются. Кризис переживает обзорный процесс как институт коллективной оценки, тогда как сам Договор сохраняет действие, почти универсальное членство и подтверждённую всеми участниками востребованность. Формальные поводы трёх срывов различны, ближневосточная зона в 2015 г., Запорожская АЭС в 2022 г., иранское

досье в 2026 г., однако за ними просматривается общий механизм. Обзорная площадка каждый раз становилась заложницей внешнего по отношению к Договору конфликта, в который вовлечены государства-депозитарии, а консенсусное правило превращало любой такой конфликт в достаточное условие срыва. При этом ответственность распределена неравномерно во времени. В 2015 г. консенсус открыто сорвали три западных государства ради интересов страны, не входящей в ДНЯО, в 2026 г. тупик создали удары США и Израиля по поставленным под гарантии МАГАТЭ объектам государства-участника, и лишь в 2022 г. Запад получил возможность возложить вину на Россию, воспользовавшись включением в проект политизированных формулировок в разгар продолжающегося и поныне конфликта. Симптоматично, что западная аналитика сама признаёт солидарное участие всей ядерной пятёрки в выхолащивании разоруженческих разделов всех трёх проектов.

Оценивая перспективы, следует учитывать, что ни украинский, ни ближневосточный конфликты к моменту завершения цикла 2026 г. не урегулированы, поэтому предпосылки, сорвавшие три конференции, продолжают действовать и способны воспроизвестись в цикле 2027–2031 гг. Вероятность принятия реформ, меняющих консенсусное правило, невысока, поскольку против них выступают как Россия и Китай, так и, по существу, сами западные ядерные государства, не заинтересованные в обязательной отчётности. Более реалистичной представляется постепенная перенастройка ожиданий, при которой мерилom успеха конференции становится сохранение диалога и подтверждение приверженности Договору, а согласованный документ рассматривается как желательный, но не обязательный результат. Такой режим работы снижает публичные издержки срывов, однако имеет цену, поскольку шестнадцать лет без согласованного текста ослабляют нормативную ткань режима и укрепляют аргументы сторонников как запретительного договора, так и национальных ядерных программ. Судьба режима нераспространения до 2031 г. будет решаться в меньшей степени в залах ООН и в большей степени в переговорах о преемнике ДСНВ, в урегулировании иранского досье и в способности ядерных держав удержаться от шагов, разрушающих остатки взаимного доверия. ДНЯО пережил семь конференций без итогового документа, и запас его прочности пока не исчерпан, однако впервые этот запас расходуется одновременно по всем направлениям.

Список используемой литературы:

1. Ларионов К., Зюлина Е., Семёнов С.Д. Коалиции в обзорном процессе ДНЯО: исторический опыт и перспективы X Обзорной конференции // Индекс безопасности — Научные записки. 2022. № 5 (31). С. 1–24.
2. Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире / под ред. В.А. Орлова, С.Д. Семёнова. М.: ПИР-Пресс, 2023. 230 с.
3. Орлов В.А., Семёнов С.Д. Вам и не снилось: новая ядерная дюжина // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24. № 3. С. 178–196.
4. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / под ред. А.Г. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 177 с.
5. Barnum M., Lo J. Is the NPT unraveling? Evidence from text analysis of review conference statements // Journal of Peace Research. 2020. Vol. 57. № 6. P. 740–751.
6. Baklitskiy A. The 2015 NPT Review Conference and the Future of the Nonproliferation Regime // Arms Control Today. 2015. Vol. 45. № 6. P. 15–18.
7. Dhanapala J. Who Is Afraid of Consensus? The NPT Review Process // CNS Issue Brief. James Martin Center for Nonproliferation Studies, 2016. URL: <https://nonproliferation.org/wp-content/uploads/2016/08/who-is-afraid-of-consensus.pdf> (дата обращения: 17.07.2026).
8. Einhorn R. The NPT Review Process: The Need for a More Productive Approach // Arms Control Today. 2016. Vol. 46. P. 15–19.
9. Gibbons R.D., Herzog S. Durable institution under fire? The NPT confronts emerging multipolarity // Contemporary Security Policy. 2021. Vol. 42. № 1. P. 50–79.
10. Herrera M. What Future for the NPT? Scenarios for the Treaty Going Forward // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2026. Vol. 9. Sup. 1. P. 63–76.

11. Mukhatzhanova G. 10th NPT Review Conference: Why It Was Doomed and How It Almost Succeeded // Arms Control Today. 2022. Vol. 52. № 8. P. 20-24.
12. Baldus J., Müller H., Wunderlich C. The global nuclear order and the crisis of the nuclear non-proliferation regime: Taking stock and moving forward // Zeitschrift für Friedens-und Konfliktforschung. 2021. T. 10. №. 2. P. 195-218.
13. Potter W.C. Behind the Scenes: How Not to Negotiate an Enhanced NPT Review Process // Arms Control Today. 2023. Vol. 53. № 8. P. 18-23.
14. SIPRI Yearbook 2026: Armaments, Disarmament and International Security // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2026> (дата обращения: 20.07.2026).